

УДК 81.23

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-2-186-192>

СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: КТО ОН?

Д. В. Руднев¹, Т. С. Садова^{✉2}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

THE SUBJECT OF MODERN OFFICIAL RUSSIAN: WHO IS HE/SHE?

D. V. Rudnev¹, T. S. Sadova^{✉2}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Аннотация. В статье рассматривается один из конституирующих признаков современного делового текста — его имперсональность. Обезличение документного текста, исторически обусловленное распространением идеи об устройстве государства в виде механизма, приводит к механистичности всего процесса деловой коммуникации. Общение (в широком смысле) государства и гражданина становится все более ритуализированным, все более далеким от жизни. Имперсональность как важнейшая категория современного документа рассматривается в динамическом аспекте, т. е. прослеживаются причины и основные этапы перекодирования естественного языка в «механистический» язык делового общения, напрямую зависящий от политического и идеологического устройства государства. Деловой язык до XVIII века имел преимущественно устную речевую основу: судопроизводство, заключение договоров и сделок, управление протекали в устной форме; в случае необходимости результаты этих действий фиксировались на письме, отражая личный контакт участников, непосредственный характер волеизъявления и особенности устного говорения. За исходную точку формирования русского делового языка современного типа принимается эпоха Петра I, создавшая условия для формирования и поступательного развития «механистического» типа общения в деловой сфере, при котором личные отношения участников коммуникации уже не имели прежней роли: на первый план выступали зафиксированные в документе «ритуальные» правила

Abstract. The article examines one of the constituent features of a modern Russian official text — its impersonality. Depersonalization in documents, rooted in the comparison of the state with a mechanism, has made entire official communication “mechanistic”. Communication (in a broad sense) between the state and the citizen is becoming more and more ritualized, more and more distant from life. The article focuses on impersonality as the key category of a modern document in the dynamic aspect. In other words, it traces the reasons and main stages for the transformation of a natural language into a “mechanistic” language of official communication, which directly depends on the political and ideological structure of the state. Until the 18th century, the official language was predominantly oral with legal proceedings, the conclusion of contracts and transactions as well as management done through speech communication. If necessary, the results were recorded in writing, reflecting the personal contact of the participants, the direct nature of the expression of will and the peculiarities of speech. The modern Russian official language goes back to the times of Peter the Great. His epoch created the conditions for the formation and progressive development of the “mechanistic” type of communication in the official domain. Now, personal agreement and personal relations of stakeholders no longer had the same role: the “ritual” rules of new official communication fixed in the document now ruled the world. These changes manifested themselves in the consistent replacement of the primordially colloquial units of an official text with bookish words, often borrowed, which gradually alienated an official text from the “natural”

нового делового общения. Демонстрируется последовательная замена исконно разговорных единиц делового текста книжными, часто — заимствованными, что приводит к постепенному отчуждению делового текста от «естественного» течения жизни русского общества. Деловой язык становится все более профессионально ориентированным: вырабатывается специальная терминология, формируется отдельная система знаков, чуждых естественной речи. Высказывается мнение о том, что по мере развития механистической метафоры государства «живой человек» уходит из сферы деловой коммуникации, остается социальная функция, поэтому гражданская ответственность сменяется социальной ответственностью. Все более утрачивается нравственный характер делового общения, обретая исключительно правовой, во многом зависящий от специальных (кодовых) формулировок в письменном документе.

Ключевые слова: государственная коммуникация, деловой язык, имперсональность, метафора государства, документный текст.

Современная жизнь без документного общения немыслима. Совершенно очевидно, что осуществляется это общение при помощи особым образом устроенных текстов, количество которых с каждым годом растет. По сути, документное общение довольно давно заменило живой диалог — условно говоря — с властью. И не только с ней. Каждый, кто вовлекается в документное общение, как бы перестает быть самим собой, индивидуально-живым человеком, но становится некоей функцией этого общения, в известной степени ритуализированного и строго регламентированного.

Об этом свойстве современной документной коммуникации и пойдет речь в нашей статье.

«Специфичность письменного общения в официально-деловой сфере заключается в том, — пишет И. С. Лобашевская, — что реплике-высказыванию живой беседы соответствует определенный текст-высказывание, представляющий собой документ определенного жанра» (Лобашевская 2007, 30).

Как всякий текст, документ — «текст, управляющий действиями людей и обладающий юридической значимостью» (Колтунова 2002, 25) — не может не обладать субъектностью. Субъектность вообще понимается как «глобальная интегрирующая категория текста, соотносимая с одним из двух составляющих творческой деятельности — субъекта и объекта» (Котурова 2011, 517).

В связи со сказанным встает вопрос: что представляет собой субъект современной деловой речи?

Известно, что среди стилевых доминант официально-делового стиля имперсональность, т. е. неличный характер изложения, выделялась всегда как одна из конституирующих характеристик. Означает ли это, что в деловой речи отсутствует субъект или речь идет об особом способе построения текста и отбора речевых средств, при котором субъект максимально объективируется? Еще один вопрос возникает относительно взаимосвязи таких стилевых черт, как имперсональность, неэмоциональность и официальность. Есть ли между ними связь (прежде всего нас интересует, конечно, причинно-следственная связь) и если да, то какова она? Решению этих вопросов посвящена наша статья.

При описании речевого поведения субъекта деловой письменной речи ограничиваются констатацией того, что деловая речь характеризуется имперсональностью (деперсо-

course of Russia's social life. The official language is becoming more and more professionally oriented: special terminology is being developed, a separate system of signs alien to natural speech is being formed. There is an opinion that as the mechanistic metaphor of the state is gaining momentum, the "human" is leaving the sphere of official communication. However, as the social function remains, civic responsibility is replaced by social responsibility. The moral character of official communication is becoming increasingly lost, acquiring exclusively legal, largely dependent on special (code) wordings in a written document.

Keywords: state communication, official style, impersonality, metaphor of the state, texts of documents.

нализацией), и описанием речевого проявления этой стилевой черты (особенности употребления местоимений и личных форм глагола, устранение эгоцентрических средств, использование девербатов и деадъективов, расщепление предикатов, замена активных конструкций пассивными и нек. др.).

Пожалуй, наиболее подробное описание речевого поведения субъекта деловой письменности содержится в работах О. П. Сологуб. По ее словам, «сфера искусственной деловой письменной речи характеризуется установкой субъекта на реализацию существующих в официально-деловом языке канонов (эта установка может и “навязываться” субъекту адресатом) либо на их развитие в новых изменившихся условиях» (Сологуб 2009, 117).

Эту установку автор называет официализацией. «Официализация есть ориентация субъекта на выработанные каноны официально-деловой коммуникации при создании и функционировании текста и связана со специализацией естественного языка; результатом действия процесса официализации является текст, приобретающий/усиливающий качество официальности» (Сологуб 2009, 60).

Таким образом, деятельность речевого субъекта при создании документов определяется как процесс перекодировки естественного языка в искусственную официально-деловую речь, в результате которой (перекодировки) речевые произведения приобретают официальность.

Официальность является тем стимулом, который определяет речевое поведение субъекта официально-деловой коммуникации. О. П. Сологуб определяет ее как «одно из организующих начал текста, регулирующие административно-управленческие, производственные отношения на уровне различного ранга инстанций и должностных лиц, наделенных особыми полномочиями, и предполагающее использование специализированных вербальных и паравербальных средств для выражения нейтрального, подчеркнуто-вежливого, сдержанного тона общения и придания значимости документу» (Сологуб 2009, 18).

И далее: «Официальность делового текста предполагает установление сдержанного, строгого, нейтрально-вежливого тона общения, что исключает проявление субъективного эмоционально-экспрессивного начала и выражение позиции сближения с адресатом; последнее обуславливает отсутствие проявления в большинстве документов категории вежливости» (Сологуб 2009, 69).

Соглашаясь в общих чертах с изложенным подходом, отметим его неполноту. Если встать на позицию автора, то причина официальности — «выражение нейтрального, подчеркнуто-вежливого, сдержанного тона общения и придание значимости документу», однако неизбежно возникает вопрос, является ли эта черта изначально присущей деловому тексту и может ли документ без нее обойтись.

Обращение к истории деловой письменности позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. Сравнение современных документов и документов коллегиального, приказного и древнерусского периода обнаруживает отсутствие или невыраженность у последних таких стилевых доминант, характерных для современной деловой речи, как: имперсональность, официальность, отчасти точность (терминология) и стандартизованность. Формирование новых черт делового языка имело поздний характер и протекало под влиянием петровских преобразований и в результате активного вторжения государства в сферу деловой коммуникации.

Мы связываем появление этих черт со сменой базовой метафоры, лежащей в основе государственной коммуникации: метафора государства — феодального дома сменялась метафорой государства как механизма. В результате этого начинается изменение речеповеденческих моделей участников деловой коммуникации; как следствие, деловая речь начинает аккумулировать те речевые средства, которые наилучшим образом воплощали

лежащую в основе государственной коммуникации метафору механизма, и избавляться от языковых единиц, воплощавших семейную метафору государства, имевшую личностный (а отчасти и фамильярный) характер.

Процесс этот имел длительный характер и окончился лишь в XX в. Во-первых, старая, семейная метафора имела укорененный в веках характер, поддерживалась представлением о патриархальной семье и потому не могла сразу смениться в сознании подданных новой моделью государства. Источником новой, механистической модели была европейская политическая мысль (Гоббс, Лейбниц и др.) (Садова, Руднев 2018).

Во-вторых, механистическая модель устройства государства вступала в противоречие с представлением о неограниченной, абсолютной власти монарха. В европейских странах разрешение этого противоречия происходило в XIX в. путем установления конституционной монархии.

В-третьих, монарх продолжал опираться на дворянство как основу управленческого класса, рассматривая себя как его часть (этому способствовала общность культуры), как следствие, управление страной имело личностный характер.

Наконец, в-четвертых, новая модель управления страной еще должна была сформировать свой язык управления, который создавался на основе старого делового языка.

Старый деловой язык сформировался на устной речевой основе: судопроизводство, заключение договоров и сделок, управление протекали в устной форме; в случае необходимости результаты этих действий фиксировались на письме, отражая личный контакт участников, непосредственный характер волеизъявления и особенности устного говорения. Поэтому деловой язык до Петра I продолжал сохранять тесную связь с живой устной речью — в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе. В Петровскую эпоху эта связь начала распадаться: государственные власти создают документы, в которых происходит ослабление устно-речевой основы деловой речи, вводя в нее славянизмы (главным образом служебную лексику), заимствованную лексику, пытаясь олитературить разговорный синтаксис при помощи латинских и немецких моделей словорасположения.

Несмотря на некоторое отчуждение от устно-речевой основы деловой речи, на всем протяжении XVIII в. деловая речь не могла преодолеть своей зависимости от синтаксиса устной речи. Возможно, одной из причин этой зависимости был тот факт, что деловая речь — в отличие от современной — еще и читалась вслух: это делал секретарь в присутствии начальника или коллегиального органа. Устно-речевые конструкции хорошо воспринимались на слух в силу их естественности в условиях устной коммуникации.

И все же шло постепенное расподобление разговорной речи и делового языка Нового времени. Оно шло по разным направлениям: 1) с петровского времени значительно увеличивается объем письменной деловой речи (Петр повелел документировать процесс принятия управленческих решений, тогда как ранее фиксировался (причем далеко не всегда) только результат принятых решений); 2) письменная деловая речь вытесняет устную, причем рукописная деловая речь сначала подвергается воздействию со стороны печатной речи в отношении способов оформления (особенности написания, орфография и пунктуация), а позже практически полностью ею вытесняется из сферы деловых отношений; 3) происходит насыщение деловой речи словами, не использовавшимися в устной речи, — заимствованиями, кальками, канцеляризмами; 4) в первой трети XIX в. происходит преобразование синтаксической основы деловой речи под влиянием литературного языка; 5) происходит размежевание композиционных принципов оформления деловых и устных текстов (современный деловой текст имеет четко выделяемые композиционные единицы — реквизиты, отсутствующие в других речевых системах; оформление современного делового текста жестко стандартизуется).

В результате процесса расподобления деловые тексты приобретают такую черту, как официальность, под которой мы понимаем разные типы отчуждения деловой речи от живой устной речи. На это отчуждение, среди прочего, указывает резко негативное отношение граждан к публичному зачитыванию вслух деловых документов — они читаются глазами (между тем изначально указы и иные документы читались вслух в церквях, на площадях и на ярмарках).

Произошедшее разобщение разговорной и деловой речи само по себе могло бы рассматриваться как факт исключительно стилистики речи — современной и исторической, если бы не один очень важный момент. Деловая речь — это речь императивная, побудительная. Документ создается с целью побудить адресата (индивидуального, коллективного или массового) к изменению поведения.

Во-первых, предельная объективация языка документа затрудняет реализацию его побудительной интенции, т. к. адресат зачастую просто не может понять, что от него требуется. В этом отношении современный документ проигрывает документу допетровского времени, который по своему речевому оформлению был значительно ближе массовому адресату, в т. ч. по способу выражения побуждения. Так, инфинитивные предложения удачно сочетали неназываемость источника властного предписания (в силу его очевидности) и адресата предписания, который выражался именно адресатной формой дательного падежа.

Современные же конструкции, где адресат находится в позиции подлежащего, а побуждение к действию выражается при помощи модальных операторов типа *должен, обязан* и пр., — адресат и адресант как бы меняются местами. В результате создается противоречие между грамматической и семантической структурой фразы: адресатное значение выражается субъектной формой, отчего создается впечатление, что адресат является источником предписываемого действия, предписывает его сам себе. Такое противоречие совсем не случайно, а является одним из речевых проявлений механистической модели государства, в которой человек, уподобляясь бездушному, деперсонифицированному механизму, выполняет роль его детали.

Во-вторых, используемые в деловой речи принципы номинации и конструирования фразы настолько противоречат живой речи, что делают невозможным понимание документа теми, кому он предназначен. Зададимся вопросом: как и на каком основании происходит отбор номинаций в деловой речи? Любая номинация должна учитывать три элемента прагматической ситуации: объект номинации (точно отражать его), субъект речи (соответствовать статусу говорящего/пишущего) и адресат речи (быть приемлемой для него, в том числе быть понятной). Посмотрим с этой точки зрения на деловую речь и задумаемся, кого или что она учитывает прежде всего? Оказывается, что она, при всей своей адресной направленности как речь императивная, учитывает прежде всего субъекта речи, который стремится представить себя максимально деперсонифицированно, миметически воспроизводя навязанные государством шаблоны и модели поведения.

В качестве иллюстрации нашего утверждения приведем фрагмент текста из паспорта и руководства по эксплуатации к мольберту детского универсального модели МДУ.06: «Для приведения мольберта в рабочее положение необходимо стойки установить на ровную горизонтальную поверхность, развести их на угол примерно 26° и зафиксировать в заданном положении путем ввода средней части распорки, шарнирно соединенной с одной из стоек, до упора во внутреннюю радиусную поверхность скобы, расположенную на другой стойке».

Приведенный текст ярко демонстрирует несоответствие языка описания предмету и враждебность к адресату текста, а ведь такими текстами переполнено пространство деловой речи. Между тем — подчеркнем это — все языковые нормы в этом случае соблюдены.

Такая речь не направлена ни на адресата, ни, в конечном итоге, на адресанта, который должен использовать номинации, которые ему не принадлежат — и, по большому счету, никому не принадлежат.

Как следствие, возникают документы, в которых соблюдены языковые нормы, однако в коммуникативном отношении они не просто совершенно беспомощны, но и очевидно вредны, поскольку безусловно разрушают коммуникативное пространство. Такие тексты — и это особенно тревожно — часто еще и многократно воспроизводятся вследствие особенностей деловой коммуникации (преимущественно вертикальный характер и соответствие документа реплике диалога).

Отвечая на вопрос, сформулированный в заголовке статьи, можно ответить, с одной стороны, совершенно категорично — субъектом современной документной речи является **обезличенная гражданская функция**. И что самое парадоксальное — с неясной и невыраженной ответственностью. С другой стороны, принимая во внимание возможное приближение имперсональной речи к нормальной, субъектной, осмелимся предположить, что усилиями лингвистов и юристов в документные тексты можно вернуть вполне выраженного субъекта — прежде всего, лицо, **наделенное гражданской ответственностью**.

Литература

- Котюрова, М. П. (2011) Субъектность речи, текста. В кн.: М. Н. Кожина (ред.). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. 2-е изд., стер. М.: Флинта; Наука, с. 517–518.
- Лобашевская, И. С. (2007) *Жанры официально-деловой письменной речи: Учебное пособие для студентов*. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 92 с.
- Колтунова, М. В. (2002) *Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет*. М.: Экономическая литература, 288 с.
- Садова, Т. С., Руднев, Д. В. (2018) Метафора государства и государственный язык. В кн.: Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, С. В. Друговойко-Должанская (ред.). *Языковая норма. Виды и проблемы: материалы V Международного педагогического форума (Сочи, 3–4 декабря 2018 года)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 174–182.
- Сологуб, О. П. (2009) *Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Кемерово, КемГУ, 400 с.

References

- Kotyurova, M. P. (2011) Sub'yektnost' rechi, teksta. In: M. N. Kozhina (ed.). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka*. 2nd ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., pp. 517–518. (In Russian)
- Lobashevskaya, I. S. (2007) *Zhanry ofitsial'no-delovoj pis'mennoj rechi: Uchebnoye posobiye dlya studentov*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University Publ., 92 p. (In Russian)
- Koltunova, M. V. *Yazyk i delovoye obshcheniye: Normy, ritorika, etiket [Language and business communication: Norms, rhetoric, etiquette]*. Moscow: Economicheskaya literatura Publ., 288 p. (In Russian)
- Sadova, T. S., Rudnev, D. V. (2018) Metafora gosudarstva i gosudarstvennyj yazyk [State metaphor and state language]. In: L. A. Verbitskaya, S. I. Bogdanov, S. V. Drugoveyko-Dolzhanskaya (eds.). *Yazykovaya norma. Vidy i problemy: materialy V Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma (Sochi, 3–4 dekabrya 2018 goda)*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 174–182. (In Russian)
- Sologub, O. P. (2009) *Sovremennyy russkij ofitsial'no-delovoj tekst: funktsional'no-geneticheskij aspekt. PhD dissertation (Philology)*. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 400 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, SPIN-код: 7495-7725, ORCID: 0000-0002-3264-9483, e-mail: rudnevd@mail.ru

Татьяна Семеновна Садова, SPIN-код: 9794-7573, ORCID: 0000-0002-6232-3433, e-mail: tatsad_90@mail.ru

Для цитирования: Руднев, Д. В., Садова, Т. С. (2020) Субъект современной деловой речи: кто он? *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2 (2): 186–192. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-2-186-192>

Получена 2 апреля 2021; прошла рецензирование 9 апреля 2021; принята 12 апреля 2021.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00338.

Права: © Авторы (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Authors

Dmitry V. Rudnev, SPIN: [7495-7725](#), ORCID: [0000-0002-3264-9483](#), e-mail: rudnevd@mail.ru

Tatyana S. Sadova, SPIN: [9794-7573](#), ORCID: [0000-0002-6232-3433](#), e-mail: tatsad_90@mail.ru

For citation: Rudnev, D. V., Sadova, T. S. (2020) The subject of modern official Russian: Who is he/she? *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2 (2): 186–192. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-2-186-192>

Received 2 April 2021; reviewed 9 April 2021; accepted 12 April 2021.

Funding: The research is carried out with the financial support of RFBR, project No. 20-012-00338.

Copyright: © The Authors (2020). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).